

Деятельность приходов Братского благочиния в 1920–30-х гг.

М.А. Тарасова

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

mashutkachepel@mail.ru

Статья поступила 2.06.2016, принята 19.07.2016

В статье рассматривается история Братского благочиния в 1920–30-е гг. Именно в эти годы обновленческое движение набирает силы, а затем стремительно угасает. Основное внимание уделяется вопросам распространения идей обновленчества среди приходов Братского благочиния. Освещаются основные направления в преобразовании религиозной жизни. Раскрывается роль братских священнослужителей в формировании обновленческого направления на местном уровне. Анализируются исторические условия, приведшие к необратимому процессу закрытия церквей Братского района.

Ключевые слова: Братское благочиние; обновленцы; тихоновцы; община верующих; церковь; Советская и местная власть.

Activity of the parishes of Bratsk rural dean's district in 1920s-1930s

M.A. Tarasova

Bratsk State University; 40 Makarenko St., Bratsk, Russia

mashutkachepel@mail.ru

Received 2.06.2016, accepted 19.07.2016

The article deals with the history of Bratsk rural dean's district in 1920s-1930s. The movement of the Renovationists was getting their power at that time. Later it experienced the quick decrease. Main attention is paid to the development of the Renovationist of Bratsk parish. Main directions for the religious life to have been renewed are shown. Impact of Bratsk priests in formation of the Renovationists locally is demonstrated. Historical conditions, led to the closing of all the churches in Bratsk region, are analyzed.

Key words: Bratsk rural dean's district; the Renovationists; religious community; church; Soviet power and local authorities.

Гонения на церковь со стороны Советской власти начались практически в первые дни после прихода большевиков. Для тех, кто захватил власть в России в октябре 1917 г., Русская православная церковь являлась идеологическим противником, будучи потенциально оппозиционной в основах своего мировоззрения.

Одновременно с мерами прямого воздействия на церковь Советская власть переходит к тактике использования обновленчества с целью раскола единого конфессионального поля на староверцев (тихоновцев) и живоцерковцев (обновленцев). Члены Жи-

вой церкви стали на путь активного сотрудничества и подчиненности Советской власти, а во внутренних делах — на путь реформ и обновления [1].

Нововведения не обошли стороной и приходы Братской волости, частью вступившие в обновленчество под влиянием священника Масюкова Бориса Константиновича, выполнявшего обязанности благочинного. Масюков получал распоряжения Иркутского губернского церковного управления и рассылал их для исполнения по богослужебным приходам. «Год прошел без съезда... Второй год было благочинническое собрание без обсуждения

вопроса о принадлежности к какому-либо течению... Ныне, 28.12.1924 г., на пастырском собрании, без протокола, решено принадлежать обновленчеству» [1, с. 67-68].

С 1923 г. на территории Братского района основным аспектом государственно-церковных взаимоотношений являлся вопрос о регистрации религиозных объединений, что фактически означало введение учета граждан по их религиозной принадлежности.

Верующие столкнулись с проблемой законодательного оформления своей духовной жизни. На основании постановления ВЦИК от 12 апреля 1922 г. ни одно религиозное общество не могло быть открыто без регистрации в отделе управления губернского или областного исполкома [2]. «Слушали предложение Шамановского Волисполкома о новой перерегистрации общины на основании устава обновленческих общин, выработанного Собором Православной Российской Церкви 1923 г.» [3].

Оформление братских общин верующих проходило на основе заявления с прилагаемыми в 3-х экземплярах документами (протокол учредительного собрания; договор общины с гражданской властью в лице Тулунской уездной милиции или Братского волисполкома, позже Братского райисполкома; утвержденный устав общины; опись церковного имущества; лист учета прихода; список, а с 1925 г. — анкета священнослужителя; список церковного совета и лиц религиозной общины, а также подписка о том, что «члены прихода, подписывая устав и договор, требуемые при регистрации общин верующих, под судом за время с 1917 г. по сегодня не состояли») [4].

На основании договора прихожане принимали в бесплатное и бессрочное пользование церковное помещение с богослужебными предметами. Такие договоры были подписаны Заводско-Николаевской общиной (21 октября 1923 г.) [5], Падунской (21 июня 1924 г.) [6], Шамановской (10 мая 1924 г.) [7], Громовской (январь 1925 г.) [8], Кежемской общиной (февраль 1925 г.) [9] и др.

Храм и его имущество передавались на определенных условия, которые заключались не только в поддержании порядка. Не допускались политические собрания, раздача книг, брошюр, листовок, проведение

проповедей и произнесение речей, враждебных советскому правительству, а также совершение набатных тревог для созыва населения без разрешения местной власти [6].

Церковное имущество передавалось по инвентарной описи, которую приход должен был пополнять вновь поступающими предметами. В описи указывалось имущество с оценкой его стоимости. Так, все достояние Николаевской церкви (с. Кежма) было оценено в 4 965 р. [10], церкви во имя Михаила Архангела (с. Шаманово) — 2 219 р. 76 коп. [11], Зосимо-Савватиевской церкви (с. Падун) — 1 602 р. 50 коп. [12], Петро-Павловской церкви (с. Громы) — 1 417 р. 8 коп. [13], церкви Кирика и Иулитты (с. Московское) — в 273 р. [12].

Все члены религиозной общины, подписавшие договор, отвечали за сохранность имущества и несли материальную ответственность за его порчу: «...обязуемся в случае сдачи принятого имущества возвратить его в том самом виде, в каком оно было принято нами в пользование и на хранение... несем материальную ответственность солидарно, в пределах ущерба, нанесенного имуществу» [14].

Причем за невыполнение обязанностей, вытекающих из договора, или прямого его нарушения предусматривалась «уголовная ответственность по всей строгости революционных законов» [14].

Обязательной процедурой по регистрации являлось принятие церковного устава, по которому община признавала отделение церкви от государства и школы и принимала «социальную революцию как справедливо разразившуюся из-за несправедливости самодержавного капиталистического строя». Эти основы проводились через общественное богослужение и проповеди в приходском храме [15].

Жизнь обновленческого прихода по уставу должна была подчиняться реформаторским положениям Второго всероссийского священного церковного собора 1923 г.: причащение Св. Тайн во все четыре установленных православной церковью поста, осуществление не только частной, но и общей исповеди, упрощение в богослужении неудобопонятных изречений и в результате полная замена греческих слов русскими, возможность чтения вслух тайных молитв, допус-

тимось служения при открытых Царских вратах и введение женатого епископата [16].

Данные положения открывали двери таинств Русской православной церкви для всех непосвященных, тем самым снижая авторитет религии в глазах простого мирянина.

Решение вопросов, относящихся к жизни религиозной общины, осуществлялось на общем собрании. Оно было открытым и считалось законным, если на нем присутствовало не менее половины всех членов общины.

Объявление о созыве общего собрания делалось в храме, за богослужением, и оформлялось сообщением на церковных дверях, где обозначались предмет обсуждения, время и место собрания.

Спектр обсуждаемых тем ограничивался уставом и касался лишь регулирования повседневных проблем: содержание храмов и церковных помещений, обсуждение кандидатов и избрание в члены причта, забота о принятии добровольных членских взносов и пожертвований, преподавание закона Божьего в храмах членам не моложе 18-летнего возраста и прием новых членов, рассмотрение вопросов об ответственности председателя, его товарища и членов церковного совета, а также остальных должностных лиц общины и др. [16, Л. 7].

Для проведения общего собрания было необходимо получить одобрение местной власти. «Просим разрешить годовое собрание общины верующих на 8 апреля 1929 г. Повестка дня: отчет о приходе и расходе церковных сумм, переизбрание служащих при храме и сторожа, разные текущие дела» [17].

Контроль гражданской власти за обсуждением внутренних вопросов верующих исключал для религиозного общества малейшую возможность дать оценку политическим делам: «председатель... устраняет от обсуждения все вопросы, выходящие из круга ведения собрания... делает предложения об удалении с собрания непослушных нарушителей порядка... и если затем порядок не будет установлен, то председатель закрывает собрание» [18].

Решения на собраниях принимались простым большинством, при открытой подаче голосов. Постановления вписывались в книгу регистрации, с указанием особых мнений участников собрания. «Подписанное поста-

новление прочитывалось членами общины... в следующий по подписании праздник. На нем делалась надпись о времени объявления» [15, Л. 2].

Все члены общества с их семьями, имеющие место жительства в пределах общины, вносились в приходскую книгу, в которой отмечались Ф. И. О., род занятий, даты рождения, вступления в брак и смерти. При смене верующим места жительства соответствующие записи переносились в приходскую книгу общины на новом месте. «Списки членов ежегодно предоставлялись в Отдел Управления Иркутского Губисполкома» [18, Л. 97].

Приходская книга велась делопроизводителем, выбранным советом общины из своей среды или же из верующих, не входящих в состав совета. Такое отступление объяснялось тем, что не всегда члены совета были грамотны и могли заведовать делопроизводством, заниматься перепиской, составлять протоколы заседаний и др.

Исполнительным органом общего собрания являлся общинный совет. В его круг обязанностей входили подготовка и созыв общих собраний, заведование храмовым хозяйством, сбор и расходование добровольных складчин и пожертвований, поддержка благочиния во время богослужения и крестных ходов, проведение нравственных бесед с разрешения гражданской власти, участие в уездных и губернских собраниях [19].

Председатель совета, как и делопроизводитель, выбирался из членов общины, отстраняя церковного служителя от участия в приходских делах и тем самым снижая его осведомленность и влияние. «Настоятель не должен перегружаться не важной для него канцелярской перепиской по делам общественным и хозяйственным, потому что он духовный руководитель» [19].

В помощь совету по вопросам приобретения, хранения и использования храмового имущества, включая денежные средства, на общем собрании выбирали церковного старосту. Он вводился в состав совета и действовал под контролем общего собрания.

Гласность и тщательный контроль за финансами препятствовали накоплению и укреплению бюджета прихода: «церковный староста не должен производить накопления

храмовых сумм, каковые должны расходоваться на нужды храма. По истечению года староста предоставляет Общему собранию отчет о состоянии храмового имущества и о приходе и расходе храмовых сумм» [19, Л. 9].

В типовом уставе религиозного объединения, разработанном государством, предусматривались возможности для закрытия церковного учреждения: «Община может быть закрыта по постановлению 2/3 голосов общего Собрания или ареста части членов, а также по определению гражданской власти». При этом имущество, находящееся в пользовании общины, возвращалось местному сельскому Совету по инвентарной описи [20].

Церковный устав мог быть дополнен или изменен только с одобрения местных органов власти, что позволяло контролировать инициативу религиозных обществ.

Священнослужитель прихода выбирался 2/3 голосов общего собрания, при этом обязательно составлялся его «список» (анкета) в дополнение к документам по регистрации общины.

Согласно сохранившимся спискам, в Зосимо-Савватиевской церкви (с. Падун) служил Беляев Владимир Михайлович [21], в церкви во имя Михаила Архангела (с. Шаманово) — Масюков Борис Константинович [22], в Николаевской церкви (с. Кежда) — Корюхов Николай Иванович (в 1928 г. его сменил Каблуков Александр Николаевич) [23; 24], в Петро-Павловской церкви (д. Громы) — Попов Порфирий Михайлович [25], в Иннокентиевской церкви (с. Больше-Кадинское) — Лютиков Гавриил Стефанович (проживая в с. Большеокинск, был псаломщиком при Ильинской церкви, а с 26 августа 1926 г. — священником) [26].

Религиозная община Заводско-Николаевского поселка, не имея своей церкви, все имущество передала в Богоявленскую церковь Братского прихода [27]. Поэтому по совместительству данную общину обслуживал братский священник Малышев Леонид Михайлович [28].

Хотя почти все перечисленные выше священники формально относились к обновленческому течению, не все были его проводниками. Так, особого внимания заслуживает характеристика прихода Богоявленской церкви, данная Масюковым: «Брат-

ский приход — самый маленький из приходов благочиния. Храм посещают женщины, и при столь малом православном населении довольно в приличном количестве. Проповеди священник произносит на отвлеченные религиозные темы, и то с большой опаской, т. к. ему было приказано ГПУ отнюдь не раскрывать рта. Для поддержки веры и нравственности он пользуется частными беседами и, надо сказать, умно. Авторитетом и влиянием на прихожан пользуется большим, не только как пастырь, а и как хозяин и дальновидный человек. Отношение его к обновленчеству двойственное, с одной стороны, он как будто бы за него, и с другой стороны, советует обождать с присоединением к какому-либо течению. Не дал подписи и не принял протоиерейства от Церковного управления под предлогом, что никакого извещения о сем не получал. Может быть, в нем сказывается дальновидность, а может быть, влияние родни, которая вся принадлежит тихоновщине. Симпатии прихожан на стороне Тихона» [1, С. 68].

Не менее интересны сведения о другом приходе благочиния.

«Громовской — самый дальний и довольно крупный [приход], имеющий до 400 дворов с 2 500 человек населения. Священник о. Порфирий Попов — стар и одинок. Искренний, душевный человек. Он очень испуган настоящей революцией и далеко отстал от жизни. Вся его деятельность заключается в богослужении и проповедях. Он не может приспособиться к текущему моменту. По старости лет и отдаленности прихода он редко посещает благочиннические собрания. Влиянием на прихожан он обладает» [1, С. 68].

Во второй половине 1920-х гг. заметным явлением становится экономическое наступление на церковь — увеличение налогообложения церковных зданий и служителей культа. Местные финансовые органы стремились контролировать не только постоянные церковные доходы, но и разовые поступления.

Непосильные индивидуальные налоги и штрафы буквально душили священнослужителей. «Настоящие налоги являются непосильными как для священника, так и для псаломщика, которым не из чего выплачивать, и община не может прийти им на помощь, т. к.

у старосты нет больше ни копейки, а добровольные поступления не предвидятся» [1].

В марте 1929 года о. Гавриил Лютиков был оштрафован на 50 р. за протест против начавшегося осквернения кладбищ — он срубил столб «исполинских шагов», который установили на месте погоста при старом храме в с. Большеокинск [26]. Порфирий Попов также был оштрафован на 50 р. по ст. 123 УК РСФСР, притом что за свои труды по исполнению обязанностей служителя культа он получал 10 р. в месяц [25].

Экономические репрессии в отношении духовных лиц усугублялись политическими — все священники лишались избирательных прав. Так, сельским избиркомом в октябре 1927 г. Лютикова Гавриила Стефановича лишили избирательных прав как служителя культа [29]. В середине 1930-х гг. он, будучи в преклонном возрасте, ушел со службы и поселился у дочери в Братске. Здесь 9 ноября 1937 г. его арестовали, а через месяц расстреляли в Иркутске после того, как «тройкой» УНКВД он и еще 23 жителя Братского района были признаны участниками контрреволюционной повстанческой организации и осуждены по ч. 1 ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР [1, С. 80].

Содержание храма со всем его имуществом становилось неподъемно для приходской общины. Верующие были обязаны осуществлять ремонт, отопление, охрану, платить страховые взносы, а также налоги со строений и на земельный участок [30]. Из протокола общего собрания общества верующих Большеокинского прихода: «Из сметы на содержание храма и причта ассигнуем: на наем сторожей 120 руб. в год; отопление натурой по $\frac{1}{2}$ сажени с каждого хозяйства дров, если нет дров — по 2 руб. деньгами. Содержание причты: священнику 7 руб. в месяц, в год 84 руб.; псаломщику 3 руб. в месяц, в год 36 руб.; просфора 1 руб. в месяц, в год 12 руб., всего 252 руб. Всю вышеозначенную сумму и сумму, нам еще не известную, на покрытие налогов в 1932 г. в смысле складчины просим каждого члена общества верующих уплатить по 1 руб. 50 коп. за 1932 г.» [31].

Так как бюджет общины складывался из добровольных взносов и пожертвований, «обязательных членских взносов на членов общества возложено быть не может» [1, С.

70]. При этом число прихожан постоянно уменьшалось в связи с притеснением религии — Церковь приходила в запустение. «В настоящее время, — сообщал Масюков в Иркутск 8 марта 1925 г., — оказалось, что долги покрыть нечем ни священнику, ни общине» [32].

Местные органы власти запрещали колокольный звон, колокола беспощадно снимались с молитвенных зданий. Снятые колокола по решению комиссии культов при Восточно-Сибирском крайисполкоме передавались на металлолом через особые части по госфонду при крайфинорганах, а колокола особого тонального звучания, а также малого веса (до 16 кг) использовались для сигнализации на предприятиях, в пожарных командах и сельской местности [32].

Таким образом, все лишения, которые испытывали церкви в Братской волости, привели к частичному отходу братских приходов от обновленчества. В начале 1930-х гг. из Иркутского епархиального церковного управления вышли Братская, Заводско-Николаевская, Падунская, Добчурская, Кобинская и другие религиозные общины [33].

С 1929 г. в Братском районе начинается массовая коллективизация, насильственное объединение в коммуны, сопровождавшееся арестами недовольных крестьян и служителей культа. Подобная политика вызвала острое недовольство и сопротивление антирелигиозному направлению, которое вылилось в борьбу против коллективизации. Жесткое подавление антисоветских элементов неизбежно привело к повальному закрытию церквей и молитвенных домов. К примеру, следствием подавления вооруженного крестьянского выступления в низовьях Ангары в 1930 г. явилось массовое закрытие в 1930–1931 гг. церквей Братского района. Тогда прекратили свою деятельность религиозные общества в селениях Усть-Вихорево и Аникино [34], Кобь [34, Л. 67], Верхний-Баян [34, Л. 65], Подъеланка, Нижне-Шаманово, Дубынино, Седаново, Большая Када, Больше-Мамыри [33].

Воспоминания председателя Шаманского сельского Совета Перетолчина Василия Васильевича передают весь трагизм разрушения церквей: «Стояла голубая, в два купола, красавица церковь... А какой был красивый звон колоколов! Наверху, у куполов, были

подвешены 12 колоколов. Колоколов один был большой и звонкий, а все остальные, последовательно, один одного меньше, и такой красивый звон получался, слушаешь его и радостно становится на душе... По распоряжению местных властей дедушка Мирон по фамилии Кочнев... забрался под эти купола, обвязал себя веревками... и начал топором срубать эти купола... Купола были позолочены, и он эти 2 купола рубил 2 недели. Срубил! Ему народ помог с земли, дергали за длинные веревки, привязанные за купола. Купол рухнул на землю, один большой крест отлетел так далеко от своего падения, чуть-чуть не убил одну старушку, которая стояла, молилась и прощалась с церковью» [35].

При закрытии храма, после отказа прихожан от церкви, вывешивалось объявление о сдаче здания в аренду «новым желающим вступить в общину верующих» [36].

По истечению недельного срока объявление снималось в присутствии комиссии из представителей от сельсовета, партийной или комсомольской ячейки, одного от колхоза [37]. Комиссия составляла акт и вместе с объявлением пересылала в райисполком [38].

Все имущество церкви описывалось, опись направлялась в райисполком для оценки районной комиссией, «а пока что [зданию церкви] сдается под сохранную расписку, заверенную сельсоветом, бывшему церковному старосте, и если будет растрчено это имущество и ценности согласно нашей описи, мы вынуждены будем виновных привлечь к ответственности в судебном порядке по закону от 7 августа 1932 г.» [37].

Окончательное решение о закрытии и передаче здания под культурные заведения принималось президиумом райисполкома.

Храмы в селениях, таких как Большая Када, Дубынино, Малая Мамырь, Седаново, были закрыты самовольно, описи утеряны, а само имущество разобрано на местные нужды школ, клубов, колхозов и сельских Советов. «В момент коллективизации в 1930 году происходило так — кто задумает, тот так и закрывает, без особого разрешения; ценностей этих закрытых церквей имеется в не-

достаточном количестве, виновного в этом деле сейчас найти трудно» [33].

Закрытые помещения местная власть использовала под клубы (Шаманово, Седаново, Верхний Баян, Большая Када, Подъеланка), школы (Аникино, Нижнее Шаманово, Больше-Мамырь, Подъеланка), детские ясли (Малая Мамырь), ссыпункт (Кобь) [39].

К концу 1930-х гг. в Братском районе процесс разрушения церквей был уже необратим. Последней, в декабре 1938 г., была закрыта Ильинская церковь в с. Большеокинск. Вопрос о закрытии был поднят на собраниях жителей сел данного прихода: с. Долгий Луг — 4 декабря, с. Большеокинск — 11 декабря и с. Долоново — 15 декабря. Председатель Долоновского сельского Совета Ф.Д. Большешапов обрисовал состояние церкви на момент закрытия: «...здание беспризорное... живет в нем сторож, который не обеспечен ни дровами, ничем, и в случае возникновения пожара своевременно ликвидировать его нечем, так как противопожарных мер никаких не принято. И чтобы не допустить плохих последствий, необходимо церковь закрыть, и здание использовать под культурные нужды» [40].

Все три селения единогласно проголосовали за закрытие Ильинской церкви. Храмовое имущество было реализовано на территории Долоновского сельского Совета, выреченные средства использованы на уплату недоимок по налогам и сборам, оставшаяся сумма ушла на переоборудование здания под клуб [41].

С закрытием последнего храма на долгие годы прекратилась церковная жизнь во всем Братском районе.

Литература

1. **Андреева Л.В.** И воззовет прошедшее. Церкви Братска и окрестностей и их служители. Братск, 1998. 90 с.
2. **Румянцев Д.** Русская Православная Церковь в годы большевистских гонений 1918 – 1926 гг. [Электронный ресурс] //Азбука.ру: сайт. URL. <http://azbyka.ru/parkhomenko/russkaya-pravoslavnaia-cerkov-v-gody-bolshevistskix->

gonenij-1918-1926-godov.html (дата обращения 10.08.16).

3. **Протокол общего Собрания** Шамановской общины верующих от 19.08.1923 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2в, Л. 12.

4. **Подписка граждан** с. Кежма от 17.06.1928 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б, Л. 8.

5. **Договор общины верующих** Заводско-Николаевского поселка от 21.10.1923 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2б. Л. 6.

6. **Договор общины верующих** с. Падун от 21.07.1924 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 2.

7. **Договор** общины верующих с. Шаманово от 10.05.1924 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2в. Л. 1.

8. **Телеграмма Нижне-Суворовского** сельсовета № 276 от 16.10.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. 4а. Л. 65.

9. **Договор** общины верующих с. Кежма от 02.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 43.

10. **Опись имущества Кежемской** Николаевской церкви Братского района Тулунского округа Сибирского края от 17.06.1928 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 13-14.

11. **Опись** имущества принадлежащего Шаманской церкви, Иркутской епархии, Тулунского уезда от 30.05.1924 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2в. Л. 3-4.

12. **Опись имущества храмов** Падунского и Московского, Братской волости, Тулунского уезда, Иркутской губернии от 21.07.1924 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 1.

13. **Опись** имущества Громовской Петропавловской церкви Братского района // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4а. Л. 34-36.

14. **Договор** общины верующих с. Громы от 29.01.1927 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4а. Л. 51.

15. **Устав православно-христианской общины** Иркутской губернии, Тулунского уезда, Заводско-Николаевского поселка от 27.07.1926 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2б. Л. 1.

16. **Устав православно-христианской общины** Иркутской губернии, Тулунского уезда, села Падунского от 08.04.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 5.

17. **Заявление православной общины** с. Кежмы Николаевской церкви от 19.03.1929 г. //

Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 2.

18. **Устав православно-христианской общины при храме** Св. Николая в с. Кежма Братской волости, Тулунского уезда, Иркутской губернии от 09.07.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 94.

19. **Устав православно-христианской общины** Иркутской губернии, Тулунского уезда, села Падунского от 08.04.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 6.

20. **Устав** христианско-православной общины верующих Больше-Кадинской Иннокентиевской церкви, Братского района, Тулунского округа от 22.08.1928 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 28.

21. **Список** на служителя религиозного культа Православно-христианской общины верующих при Падунской-Зосимо-Савватиевской церкви от 30.12.1924 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 22.

22. **Список** служителей культа Шамановской общины верующих от 1926 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2в. Л. 10.

23. **Список** церковнослужителей Кежемской общины верующих от 20.06.1925 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 28.

24. **Список** служителей культа Кежемской религиозной общины верующих от 17.06.1928 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 12.

25. **Анкета на служителя культа** Громовского религиозного общества Братского района от 08.10.1930 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4а. Л. 31.

26. **Анкета на служителя культа** Больше-Кадинского общества верующих от 25.04.1930 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

27. **Опись имущества Никзаводской** церкви, переданное Братской общине верующих // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2б. Л. 28.

28. **Список служителя культа** на Никзаводской общины верующих от 14.07.1926 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2б. Л. 41-42.

29. **Список, лишенных избирательных прав** по Большеокинскому сельскому совету // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

30. **Договор** общины верующих с. Кежма от 20.06.1928 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4б. Л. 6.

31. Протокол № 2 от 22.11.1931 г. общего собрания общества верующих Большеокинского прихода // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

32. **Циркуляр Постоянной Комиссии при Президиуме ВЦИК** по вопросам культа № 2 от 08.06.1933 «По вопросу регулирования колокольного звона снятие колоколов с тех молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен» // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 37.

33. **Отчет Братского районного исполнительного комитета** от 02.1933 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 21.

34. **Сообщение** Восточно-Сибирского Краевого Исполнительного Комитета от 23.05.1932 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 63.

35. **Воспоминания** председателя Шаманского сельского Совета (1944 – 1962 гг.). В.В. Перетолчина: рукоп // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 162. Оп. 1. Д. 172. Л. 6.

36. **Объявление** церкви с. Падун и список, желающих вновь вступить в общество верующих

Падунской церкви от 1933 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 61.

37. **Распоряжение Братского РИКа** от 26.09.1933 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 51.

38. **Телеграмма** зам. председателя РИКа председателю Падунского сельсовета от 08.04.1933 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 62.

39. **Сообщение** Восточно-Сибирского Краевого Исполнительного Комитета от 23.05.1932 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 64.

40. **Протокол** № 3 общего собрания граждан с. Большеокинск Долоновского сельского Совета Братского района, Иркутской области от 11.12.1938 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 62.

41. **Протокол** общего собрания граждан с. Долоново Долоновского сельского Совета Братского района, Иркутской области от 15.12.1938 г. // Арх. отд. администрации г. Братска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 63.